

629.8(092)

Г-12

Облетев Землю в
корабле-спутнике, я увидел,
как прекрасна наша планета.
Люди, будьте хранимы и приучи-
тайте эту красоту, а не разру-
шайте её!

Гагарин

А.Т. ГАГАРИНА

СЛОВО О СЫНЕ

БЕЛОРУССКИМ ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ

Никогда не думала, что напишу книгу... Но, начиная с апреля 1961 года — после первого шага человека в космос, — мне очень часто приходилось рассказывать о детстве сына, о нашей семье, о трудовых традициях, на которых воспитывались дети.

И вот за долгие годы, прошедшие с той поры, поняла: обращаются ко мне не просто из любопытства, а в жизни моей ищут ответа на свои вопросы. Все мы, родители, стремимся к одному — чтобы дети росли добрыми, смелыми, знающими, работающими да уважаемыми. А что до совета — так этот хороший обычай издавна существует: друг к другу за советом обращаться... Мы с мужем моим, Алексеем Ивановичем, когда детей растили и затруднение какое случалось — людей поопытнее спрашивали, учителей. Теперь я сама готова поделиться житейским опытом с другими, поразмышлять да подумать вместе.

Когда работники издательства «Молодая гвардия» предложили мне написать книгу о Юре, я немного оробела (дело-то для меня необычное, новое!), но в то же время поняла — именно подробного рассказа о сыне ждут от меня люди. Иначе, чем же объяснить огромный поток писем, бесконечные вопросы во время моих встреч, бесед, несмотря на то что о жизни Юры написано очень много — повести, рассказы, стихи, книги? Видно, взрослые хотят узнать у меня, как воспитывать хороших детей, а ребятишки — как стать космонавтом, что для этого надо делать с детства, чем заняться в школьные годы?

Сразу же скажу: не знаю я такого родительского секрета — как воспитывать космонавта. Да дело вовсе не в том, чтобы стать именно космонавтом, чемпионом, человеком известным. Ведь и сын мой готовился не в космонавты, мечтал стать литейщиком, а затем —

военным летчиком. Стал им. Только потом он подал рапорт (как полагается военному человеку), чтобы зачислили его кандидатом в космонавты. Дело было новое, о такой профессии раньше и не слышали.

Вы, конечно, спросите, почему именно его отобрали в отряд космонавтов? Мне, матери, неудобно объяснять это, чтобы кто-нибудь не упрекнул в нескромности: хвалю сына... Поэтому лучше приведу слова летчика-космонавта СССР Виталия Ивановича Севастьянова. На праздновании моего восьмидесятилетия он сказал, что Юрий Гагарин был человеком особенным, что он был нравственным лидером, вожаком коллектива; никогда не выпячивал своих достоинств, но обладал ими; товарищи подражали ему, потому что был он человеком чистым, добрым, глубоко знающим дело, необычайно собранным и трудолюбивым. Но я считаю нужным подчеркнуть: каждый наш космонавт обладает высокими человеческими качествами. Говорю это еще и потому, что я со многими из них близко знакома, все они дороги мне, как родные дети.

Не скрою: мне, матери, было приятно слушать слова Виталия Ивановича о сыне. Юра и вправду никогда не стремился как-то выделиться в коллективе, он прежде всего думал о деле. Если о нем говорили другие — радовался не славе, а успеху дела.

Как сын вырос таким человеком?

Однажды, уже после того, как состоялся первый космический полет, собралась на день моего рождения вся наша семья. Юра поднялся и сказал: «Спасибо тебе, мама, что ты приучила нас с детства трудиться! Приучила каждое дело делать на «отлично». Это в жизни главное».

Да, так я считаю — надо каждое дело, которое тебе поручили или ты добровольно его вызвался выполнить, делать добросовестно, не жалея сил. Тогда работа будет доставлять радость, жизнь станет краше, многое успеешь совершить.

Я не учительница, не ученый, поэтому не могу предлагать рецепты, как вырастить хороших детей. Да и нет, наверное, таких точных предписаний. Но жизнь я прожила долгую, трудовую, подняли мы с мужем сыновей и дочку, которые тоже научились любить труд, умеют обещание держать. Словом, люди честные и добрые. У детей у самих уж давно

дети родились, внуки мои, даже и правнуки появились. Вот и получается, что всю жизнь я провела в труде да в воспитании ребятишек. Так что рецептов не предлагаю, а наблюдениями своими, опытом поделиться всегда готова.

Книга «Слово о сыне» вышла в Москве в 1983 году. И вот теперь она выходит в Минске. Эта новость меня очень обрадовала. Ведь в Белоруссии я бывала неоднократно и по-настоящему полюбила этот героический край. Мне памятна встреча с издателями в зале минского Дома книги, памятна встреча в коллективе издательства «Юнацтва», о которой его директор, поэт Валентин Лукша, написал стихи. Кстати сказать, «Юнацтва», много делает для пропаганды космической тематики. Здесь вышла книга моего старшего сына Валентина «Мой брат Юрий», Н. Гиля о летчике-космонавте П. И. Климуке. Теперь издается и моя книга...

До сих пор при слове Белоруссия вижу себя в Хатыни... Сердце щемит от горьких воспоминаний о минувшей войне. Ведь у моей Смоленщины и Белоруссии много общего в истории, в характере людей. Полчища вражеские катились с запада к Москве через белорусские, смоленские земли.

Ходила я по бывшим улицам Хатыни — слушала звон колоколов и с содроганием, болью в сердце читала выбитые на камне строки о том, сколько в Белоруссии уничтожено деревень, сколько сожжено, убито мирных жителей. Думалось о горе, что принесла война и на Смоленщину. На территории Смоленской области были расстреляны и замучены сотни тысяч человек, десятки тысяч мирных граждан угнаны в рабство. И в нашей семье незадолго до освобождения фашисты угнали в неволю старших детей: семнадцатилетнего Валентина, пятнадцатилетнюю Зою.

Но советские люди выстояли в суровой борьбе с врагом: наш народ победил.

Каждая поездка в мои годы нелегка... Только я решила так: нельзя, сроднившись с Белоруссией, не побывать в Бресте — крепости-герое, которая дорога каждому советскому человеку. И я побывала в Бресте, побывала на минских заводах, в белорусских селах, у школьников, пограничников, студентов.

Велика сила памяти. Велика сила людской тепло-

ты. Вспоминаю свои поездки и прежде всего вспоминаю людей, с которыми встречалась.

Недалеко от границы, в селе Комаровка, живет мать космонавта П. И. Климука — Марфа Павловна. Как только узнала она, что я еду в Брест, вызвалась также приехать, чтобы познакомиться, поговорить о детях, о заботах, радостях. Познакомилась я и с матерью космонавта В. В. Коваленка — Ольгой Ивановной. Все-го-то и виделись мы по разу, а подружились крепко. Часто приезжают меня проведать Петр Ильич Климук, Владимир Васильевич Коваленок — рассказывают о своих родных, моими делами интересуются, зачастую объясняют: «Мама просила узнать», «Мама просила передать», «Мама поручила рассказать».

Встречалась я и с замечательной белорусской матерью Анастасией Кузьминишной Куприяновой, проводившей на фронт пятерых своих сыновей-героев...

Дружеские отношения сложились у меня со многими писателями Белоруссии. Василя Быкова, Ивана Шамякина, Андрея Макаенка, Николая Чергинца сначала я знала только по книгам. Потом, в Минске, состоялись с ними теплые, незабываемые встречи. Особенно тесные дружеские связи у нашей семьи с Николаем Ивановичем Чергинцом: свою книгу я прежде всего выслала ему...

Многое связывает меня с Белоруссией. В Минске живет моя внучка Наташа с маленькой правнучкой Аннушкой, которая любит декламировать стихотворение Янки Купалы «Мальчик и летчик»; ведь это стихотворение очень нравилось Юре...

Как видите, в Белоруссии немало у меня дорогих сердцу друзей. И поэтому книгу воспоминаний о моем сыне я с большой радостью адресую юным и взрослым белорусским читателям.

ИСТОКИ

Дети наши — Валентин, Зоя, Юра, Борис — родились в деревне. Сами мы с мужем Алексеем Ивановичем знали только крестьянский труд, и все-таки, думается, правильнее считать семью нашу рабоче-крестьянской.

И когда в сорок девятом году совещались мы, на кого пойти Юре учиться, он твердо сказал: «Хочу быть, как дядя Сережа, токарем». Имел в виду он моего брата Сергея, хотя его никогда не видел, но много о нем слышал.

Отец мой Тимофей Матвеевич Матвеев и мама Анна Егоровна родом из деревни Шахматово, что недалеко от Гжатска. Земли в наших Смоленской, Рязанской, Калужской губерниях были небогатые, и мужчины часто занимались отхожими промыслами. Одни уходили на сезонную работу — выдывали овчины, плотничали, другие подавались на заработки в большие города, чтобы хоть как-то прокормить семью. Вот и отец мой уехал в Петербург, поступил там на Путиловский завод. Мама с детьми оставалась в деревне, вела хозяйство и только на зимние месяцы с малышами ездила к отцу.

В 1912 году (мне тогда было девять лет) все перебрались в Петербург. Жили мы на Богомолловской улице, в комнате густонаселенного дома.

Хорошо помню, как по утрам мощно гудел заводской гудок, созывая рабочих. Работали тогда по 12—14 часов, без выходных. А денег все равно не хватало. Мама стала стирать на людей. Каждую неделю приносила домой по большому тюку белья, чтобы этим нелегким трудом добыть какую-никакую копейку. А концы все равно было не свести с концами.

Семья же у отца и матери была немалая: кроме меня еще два брата и две сестры.

Однажды отец горестно сказал: «Вы не думайте, что мы так бедно живем, потому что семья у нас большая. Не поэтому. А потому, что хозяева отдают нам не все, что мы, рабочие, зарабатываем».

У нас, как и в других рабочих семьях, часто говорили о том, что нужно изменить жизнь, что рабочие должны бороться за свободу. И не только говорили. Рабочие объединялись, организовывали забастовки, стачки. Недавно в одной из книг я прочитала, что за первую половину 1914 года на Путиловском заводе было проведено 60 стачек: чуть ли не каждые три дня какая-нибудь мастерская бастовала. А 1 июля того года путиловцы собрались на большой митинг в поддержку бакинских рабочих. Пролетарии каспийских нефтепромыслов требовали 8-часового рабочего дня, официального признания

праздника трудящихся 1 Мая. За эти справедливые требования их наказывали: выселяли из домов, арестовывали.

Рабочие Путиловского завода решили собрать деньги, чтобы помочь бакинским пролетариям. Но петербургский градоначальник велел запретить всякие сборы для помощи нефтяникам. Даже те средства, которые удалось собрать и переслать, не попали к бакинским рабочим: почта не выдала деньги бакинцам, а обратила их в доход казны.

Митинги путиловских рабочих разгоняла полиция. С демонстрантами жестоко расправлялись казаки.

Вскоре началась первая мировая война. Жизнь стала еще тяжелее. А тут нашу семью постигло новое горе: в цехе на отца с высоты упала пятифунтовая стальная масленка. Отец стал инвалидом, мы лишились единственного кормильца — хозяева его вышвырнули с завода без всякого пособия.

Как тяжело было в семье! Что было делать? Об этом не раз заговаривали взрослые. Тогда мама решила пойти на Путиловский завод. Попросился на Путиловскую верфь старший брат Сережа — было ему в ту пору пятнадцать лет. С трудом преодолевая недуг, стал трудиться вместе с мамой в шрапнельной мастерской и отец. Как-то в день полочки возвратился он домой. Был усталый, худой, измученный. Сел, выложил на стол плотно зажатые рубли, посчитал. «Получается, по девяносто копеек в день мне платят», — вымолвил отец и так горестно вздохнул, что мне захотелось плакать, но я сдержалась.

Среди рабочих все чаще раздавались разговоры о тяготах работы, жизни. Договаривались о новых забастовках. Хозяева не могли справиться с гневом рабочих. Тогда в начале 1916 года военные власти закрыли Путиловский завод.

Но старейший завод Петрограда поддержали рабочие других предприятий. Вечерами, когда в семье обсуждали события дня, часто слышалось: «Забастовка. Бастуют там-то. Поддержали такие-то». И хотя дома было холодно, нетоплено, да и голодно, зато не так уж одиноко.

Конечно, я тогда не во всем хорошо разбиралась, но само понятие дружеского единения, сплоченности, сознание того, что о наших отцах, матерях думают другие, — это чувство вселяло уверенность. Не только во взрослых, но и в нас, детей.

Полмесяца не работали путиловцы, а потом власти, испугавшись силы рабочего протеста, распорядились вновь открыть завод.

Но по-прежнему было трудно. Мама приходила из лавки озабоченная, приносила в сумке какие-то продукты. Готовила и приговаривала: «Как же из этого суп сварить можно?» Суп был жидкий. Да и такому были рады.

Но как бы ни было тяжело, родители духом не падали. Сами они были неграмотные, но к учению относились очень уважительно. Мама по совету других женщин хотела отдать меня в обучение к перчаточнице, чтобы я имела «хлеб в руках», а отец запротестовал: «Нюра девочка смышленная, пусть в школе поучится».

Меня отправили в Путиловское училище. Там преподавали чистописание, русский язык, арифметику, естествознание, ну и, конечно, закон божий. Обучали правилам хорошего тона, домоводству, шитью, вязанию, вышиванию.

Училась я старательно, все мне было интересно, особенно же я полюбила чтение. До сих пор благодарю родителей, что дали они мне хороших собеседников, друзей, советчиков — книги.

Чтобы помочь семье, по вечерам я шила патронташи. Даже мысли не было, чтобы взятое задание задержать. Знала — и мои копеечки подмога в хозяйстве.

В конце обучения мне выдали свидетельство — это была рекомендация для дальнейшего образования. Но учение в гимназии требовало больших денег... Такое нашей рабочей семье было не под силу.

— Ничего, Нюра, скоро все будет по-другому, — успокоил меня старший брат. — И учиться будешь, и жить иначе.

Пошла я тем временем в рукодельную, чтоб получить профессию.

Начальное образование получили также старший брат Сергей и старшая сестра Мария.

Брат Сережа был совсем молодым, но в семье никакое дело не начинали без совета с ним. Да и не только в нашей семье. Окружающие относились к нему с уважением. Часто к нам в дом приходили люди, о чем-то подолгу говорили с Сергеем, одни передавали, а другие забирали свертки, в которых можно было часто распознать

пачки бумаги. Подростки — люди наблюдательные. Я догадалась, что брат ведет скрытую работу. А что такое «листовка», «прокламация» — девочке из рабочей семьи не нужно было объяснять.

Не раз и не два скрывались у нас в семье молодые люди. Подолгу жил наш земляк Дмитрий Зернов. Оттого, что он скрывался, мы, ребята, догадались, что он против царя. Брат предупреждал: «Никому ни слова». И нам, младшим, было все понятно: они связаны с забастовщиками, с большевиками.

Однажды Сергей вернулся раньше обычного, сказал маме, что у нас может быть обыск, а на чердаке были тогда спрятаны запрещенные книги. Я услышала тихий разговор и вызвалась отнести книги к маминой сестре, тете Наде. Переносила в продуктовой сумке. Конечно, на меня, девчонку, идущую в гости к родственнице, никто не обратил внимания.

А поздно ночью в дверь раздался сильный стук. Пришел дворник, полицейские. У дворника была домовая книга, и он говорил, что поступили сведения о подозрительных посторонних людях, которые живут у нас.

Дмитрий Зернов, предупрежденный братом, не пришел ночевать. Полицейские начали обыск. Они рылись в вещах, повыкидывали все из шкафа, трясли даже наши школьные тетради и учебники. Ничего подозрительного не обнаружили. Тогда один подошел к кровати, где лежал больной отец, приказал подняться. Отец еле держался на ослабевших ногах, а полицейские все сбросили с кровати, ощупали подушки. Было понятно, что обыск не даст результата, и это полицейских вовсе разозлило. Они позвали маму, приказали распороть матрас. Мама заплакала от обиды, но приказание выполнила. Полицейские слазили на чердак, выстукивали стены, шарили кочергой в печи. Ничего. Ушли только под утро. Главный из них с угрозой сказал: «Смотрите же!»

Тайник они не нашли, а он был под листом железа у печки. Мама и папа знали об этом. Когда Сережа как-то спросил, где спрятать важные бумаги, они и подсказали ему.

Хотя обыск ничего не дал, Сергея уволили с Путиловской верфи. В его документах сделали пометку: «Приему не подлежит».

На петроградские заводы путь ему был заказан. Жили мы буквально впроголодь. Брат уехал в Сестро-

режк, но как только там узнали о его деятельности в столице, сразу же уволили. Работал Сергей теперь нерегулярно, но дома подолгу не бывал. И мы чувствовали — он делает важное дело.

Однажды — это было в начале 1917 года — прибежал домой возбужденный, подошел к нам, своим сестрам, и сказал:

— Скоро прогоним царя.

Стало даже страшно, что он так, в открытую, произносит опасные слова. А брат ободряюще улыбнулся, потрепал меня по голове:

— Не трусить!

Вскоре он возвратился поздно ночью, поднял нас: «Революция! Свобода!» Сергей был с винтовкой и красной повязкой на рукаве.

В эти дни, по словам брата, их отряд путиловских рабочих участвовал в освобождении из Петропавловской крепости политзаключенных. Шли они к крепости с красными флагами, пели «Варшавянку» и люди, просидевшие в тюрьме не один год, увидев, кто пришел за ними, плакали, обнимали алые стяги.

Настоящим праздником был день 1 Мая. Все люди труда ликовали. Праздничные колонны рабочих несли кумачовые транспаранты с лозунгами: «Да здравствует пролетариат России!», «Долой эксплуататоров!».

Но, как известно из истории, буржуазии удалось тогда обмануть рабочих. Немногое изменилось на заводах, хозяева оставались прежние, порядки тоже. Брата опять уволили, из моих родных работу удалось найти только маме и старшей сестре Марии.

Наступила осень, приближался октябрь.

Что-то грозное носилось в воздухе. Брат бывал дома совсем редко, говорил, что хозяева обманули рабочих, как всегда, смогли извлечь выгоду из событий для себя. Мать и отец горестно сетовали, как тяжело живет. Но Сережа успокаивал, что ждать осталось недолго. Мы понимали, что рабочие готовятся к решительным выступлениям, к вооруженному восстанию, что уж теперь не дадут обмануть себя, как после февраля.

Дни конца октября запомнились тем, что рабочие вечерами тайно собирались по домам, потом уходили куда-то. В тишине и организованно. Как теперь я понимаю, собирались с силами для боя. И однажды,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66